

XII, 49399, 150

ОТЕЧЕСТВО

Рис. П. Наумова.

№

ПЕТРОГРАДЪ. 1915/г.

ЦѢНА 15 КОП., НА СТАНЦІЯХЪ Ж. Д. 20 КОП.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

Р

Ч

ПАМЯТИ А. М. КОЛЮБАКИНА.

РАННИМЪ утромъ того дня, въ который Государственная Дума, послѣ долгаго перерыва, открыла свои засѣданія, въ Петроградъ пришла вѣсть о смерти на полѣ сраженія члена III-ей Думы Александра Михайловича Колюбакина. Онъ палъ смертью геройской, ведя въ атаку свою роту у В III . Много лѣтъ своей жизни А. М. отдалъ за лучшее будущее русскаго народа; пылкій, искренній и краснорѣчивый ораторъ, онъ памятенъ всѣмъ пережившимъ 1905—1906 годы. Пропагандируя принципы партіи народной свободы, онъ исколесилъ всю Россію, всюду выступая съ горячими рѣчами. За одну изъ такихъ рѣчей онъ былъ привлеченъ къ суду.

А. М. былъ лишенъ избирательныхъ правъ и устраненъ изъ Думы. Съ этого момента онъ остается несмѣняемымъ секретаремъ фракціи партіи народной свободы. А. М. называли «лѣвымъ кадетомъ». Это вѣрно и невѣрно. Вѣрно, потому что онъ былъ лѣвѣе своихъ единомышленниковъ, и невѣрно, потому что ни его міровоззрѣніе, ни его задушевные стремленія не укладывались въ рамкахъ партіи. Личность и дѣятельность А. М. встрѣтили высокую оцѣнку у его противниковъ какъ справа, такъ и слѣва. Его искренность, смѣлость, его порывы и его волненія были облечены притягательной силой. Слово не расходилось у него съ дѣломъ.

До Думы, въ Думѣ и внѣ Думы А. М. Колюбакинъ ревностно боролся за народное благо, за дѣло русскаго народа. Разразилась великая война. А. М. почувствовалъ всю силу угрозы самому существованію Россіи, какъ великой державы, и то дѣло русскаго народа, которому онъ служилъ, властно потребовало отъ него активнаго вмѣшательства въ борьбу. Участіе въ войнѣ представлялось ему продолженіемъ той борьбы за лучшее будущее русскаго народа, въ которой онъ принималъ столь живое и дѣятельное участіе. Его не призвали на дѣйствительную службу, онъ пошелъ добровольцемъ. Послѣдній гражданскій подвигъ былъ завершенъ геройской смертью. «Сладко и почтенно умереть за родину!» Эти старыя, давно сказанныя слова переливаются теперь новой жизнью.

Опубликовано послѣднее письмо А. М. отъ 18 января. Въ этомъ письмѣ— послѣдніе его завѣты. «Лозунгъ служенія родинѣ повелѣваетъ довести до рѣшительнаго конца то трудное дѣло, которое ведетъ наша родина. Примите завѣты отъ насъ, непосредственныхъ участниковъ этой работы: какъ бы ни были тяжки грядущія испытанія, какъ бы ни были тягостны принятыя на себя родиной обязательства передъ человѣчествомъ и его свѣтлымъ будущимъ,—не складывайте оружія, не словивъ врага. Будьте увѣрены, что ваши братья въ арміи честно исполняютъ свой долгъ. И тѣмъ увѣреннѣе и крѣпче будетъ ихъ работа, тѣмъ легче будутъ переносить они страданія и лишенія войны, если они будутъ знать, что усилія ихъ не пропадутъ даромъ изъ-за преждевременнаго мира».

НА СЪВЕРНОМЪ ФРОНТѢ

I.

НОЧНАЯ ТРЕВОГА.

КТО-то сильный ударил съ размаху въ дверь...
«Кто там?»

Я быстро вскочилъ съ кровати и бросился искать электрической коммутаторъ. Отвѣта не послѣдовало, но когда бѣлый свѣтъ залилъ мою комнату, второй ударъ, на этотъ разъ не только въ дверь, но и въ окно, привелъ меня въ сознание.

— Вотъ оно, настоящее... наконецъ-то... Да, здѣсь нѣтъ безмятежнаго покоя и безконечно сѣрыхъ будней Парижа; здѣсь все говоритъ о близости войны, здѣсь ночныя тревоги, трепетное бдѣніе.

Когда я вышелъ изъ своего номера въ корридоръ отеля, меня нѣсколько смутилъ его мирный покой: тускло горѣла электрическая лампочка, у дверей чинно выстроились ботинки путешественниковъ, изъ комнатъ доносился могучій храпъ безмятежно почивавшихъ людей; гдѣ-то раздраженно кашляли, наверху кто-то мирно шагаль по своему номеру...

Странный городъ этотъ Дюнкирхенъ...

Въ десяти километрахъ отъ мѣста кровопролитныхъ боевъ, гдѣ рѣшаются судьбы Франціи, онъ не обнаруживаетъ и признаковъ нервнаго напряженія. Я замѣтилъ это еще вчера, какъ только сошелъ со

ступенекъ вагона; эти исторопливыя движенія моего носильщика, эти флегматичныя лица встрѣчавшихъ не носили никакой торжественной печати. Я былъ однако слишкомъ утомленъ дорогой, чтобы разобратъся въ этихъ впечатлѣніяхъ... Но теперь, когда такъ близко гремѣла канонада, покой этого длиннаго корридора всталъ предо мною рѣзкимъ вопросомъ...

Внизу у дверей буркнулъ сонный швейцаръ:

«Monsieur est matinal!»

— Да вѣдь стрѣляютъ и совсѣмъ близко!

— О, monsieur напрасно волнуется: должно быть съ фортовъ стрѣляютъ по аэропланамъ.

И лѣнливо распахнулъ предо мною дверь...

Безлюдныя улицы погружены во мракъ; зато по небу бѣгаетъ десятокъ свѣтлыхъ сноповъ морскихъ прожекторовъ.

Повидимому швейцаръ правъ: потому что длинныя руки прожекторовъ жадно тянулись къ какой-то точкѣ на востокѣ. Я пошелъ въ томъ-же направленіи; гулкій разносился стукъ моей палки о камень тротуара; гдѣ-то промчался автомобиль; гдѣ-то съ шумомъ открыли окно, и сердитый прозвучалъ женскій голосъ: «Даже ночью спать не даютъ»... Снова тишина. И вдругъ мнѣ самому нелѣпымъ показалось мое ночное странствованіе; я повернулъ обратно.

Дорогой вспоминалъ исторію Дюнкирхена. Его осно-

(Перепечатка воспрещается).

СВЯЩЕННИКЪ ВЪ ОКОПАХЪ.

валъ въ VII вѣкѣ суровый и страстный проповѣдникъ св. Евлгій; онъ построилъ церковь среди песковъ, откуда и произошло имя Дюнкирхена (Dunes-Kerke по фламандски значитъ: церковь среди песковъ). Двѣсти

(Перепечатка воспрещается).

Предсказательница счастья въ Галиціи.

суровыхъ рыбаковъ поселились зокругъ нея; медленно росъ городъ; песокъ и наводненія гнали жителей на востокъ, а тамъ сторожили ихъ болота. Нашествіе песка остановили посадкой сосноваго лѣса; противъ воды построили плотины; вдоль болота прорыли каналы. На это ушли вѣка... Когда побѣдили природу, пришлось бороться съ людьми. Разбогатѣвшій на морской торговлѣ, Дюнкирхенъ сталъ лакомой добычей для пиратовъ; нѣсколько разъ они налетали на городъ, грабили и сжигали его. Дюнкирхенцы строили флотъ, возводили укрѣпленія... Когда были побѣждены пираты, появились испанцы. Во время великой борьбы за освобожденіе Нидерландовъ Дюнкирхенъ нѣсколько разъ попадалъ въ руки мрачнаго Филиппа; жителей его уводили въ плѣнъ, на площадяхъ горѣли тысячи костровъ св. Пиквизиціи, сжигались корабли, срывались укрѣпленія... Но не такой былъ народъ дюнкирхенцы, чтобы ихъ можно было стереть съ лица земли; энергичные, смѣлые и упрямые, они снова обстраивались, снова богатѣли. Во время Французской Революціи дюнкирхенцамъ вздумалось надѣть фригійскія шапочки и учредить гражданское крещеніе; на другой день англійскіе фрегаты стали обстрѣливать ихъ съ моря, а 40.000-ый англій-

(Перепечатка воспрещается).

ЛИТУРГИЯ ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕСТВА НА ПЕРЕДОВЫХЪ ПОЗИЦИЯХЪ. СОЛДАТЫ ПОДХОДЯТЪ КО КРЕСТУ.

скій десантъ обложилъ городъ съ суши. Дюнкирхенцы открыли свои плотины, укрѣпились за своими болотами, съ моря прикрылись дюнами, вынесли шестимѣсячную осаду съ голодомъ, моромъ, но фригійской шапочки не сняли и города не сдали...

То, чего не могла сдѣлать природа, пираты и феодалы, свершила жизнь: перемѣщеніе центра экономической жизни убило значеніе Дюнкирхена, какъ торговаго порта; его побѣдили Гавръ, Гамбургъ, Антверпенъ. Теперь Дюнкирхенъ небольшой провинціальный городъ съ населеніемъ въ 40.000 жителей; онъ торгуетъ еще съ заморскими странами, но ему достается лишь та работа, которой пренебрегаютъ богатые сосѣди. Зато его стратегическое положеніе у входа въ проливы сдѣлало его ключомъ морской обороны Франціи...

Энергія, отвага и мужество предковъ очевидно не покинули еще дюнкирхенцевъ: не лгалъ мой вчерашній спутникъ, голубоглазый дюнкирхенецъ, когда гордо заявлялъ, что ни одинъ житель не бѣжалъ изъ города.

Когда палъ Антверпенъ, сотни тысячъ бельгійцевъ бѣжали въ Дюнкирхенъ, чтобы отсюда пробраться въ Англію. Жители радушно встрѣчали бѣглецовъ, спокойно усаживали ихъ на присланные изъ Англіи огромные океанскіе пароходы и также спокойно возвращались къ себѣ домой пить свой вкусный сидръ...

«Буухъ!»... раздалось близкое, и огневая зарница вспыхнула на востокѣ.

Я поднялъ глаза... Высоко въ небѣ пышно распустился бѣлый хвостъ кометы; она быстро удалялась отъ длиннаго луча прожектора; но уже другой снопъ свѣта бѣжалъ ей навстрѣчу; вотъ онъ обхватилъ, стиснулъ и задушилъ комету, я увидѣлъ аэро-

планъ, и въ тогъ-же моментъ раздалось знакомое буханіе. Въ слѣдующую секунду аэропланъ исчезъ, и снова быстро стала удаляться прекрасная комета отъ цѣпкихъ объятій великановъ-лучей; а они бѣжали за ней, иерерѣзали ей дорогу, ослѣпляли ее и послѣ каждого превращенія кометы въ аэропланъ раздавались пушечные выстрѣлы. Точно сказочныя птицы надлуннаго міра гнались по темному небу серебряные лучи и исчезали гдѣ-то на востокѣ...

Взволнованный этимъ необычнымъ зрѣлищемъ, я подошелъ къ дверямъ моего отеля; черезъ стеклянныя окна я увидѣлъ развалившася на англійскомъ диванѣ швейцара. Мнѣ долго пришлось звонить, прежде чѣмъ удалось разбудить его...

II.

ВЪ ТЫЛУ АРМІИ.

Исполнскіе колышатся на горизонтѣ стальные корабли—англійскіе и французскіе дредноуты. Суетятся вокругъ нихъ быстрые миноносцы, и широкіе описываютъ въ воздухѣ круги длинные, какъ саранча, гидроавіоны. И тѣ и другіе охраняютъ гигантовъ отъ смертоноснаго удара подводнаго предателя: съ высоты видно далеко въ глубь морскую, а маленькіе увертливые миноносцы готовы по первому сигналу ринуться отважно впередъ, чтобы спасти жизнь своего большого брата.

Въ порту большіе англійскіе корабли выгружаютъ боевые припасы, пушки для союзныхъ армій.

По улицамъ непрерывной цѣпью несутся военные автомобили; какъ мало походятъ они на тѣ роскошные министерскіе ландо съ военными шоферами, что

(Перепечатка воспрещается).

ВЪ ГЕРОИЧЕСКОЙ СЕРБИИ. СЕРБСКАЯ ПѢХОТА ОТРАЖАЕТЪ АТАКУ АВСТРІЙЦЕВЪ.

парять теперь на улицахъ Парижа. Покрытые густымъ слоемъ грязи, со своими передками, изрѣженными пудями, со своими сломанными крыльями, съ разбитыми стеклами, они грохочутъ и дребезжатъ, какъ старые расклевнившиеся шарабаны. Такая же походная печать на военныхъ; солдатскія шинели изорваны, и подъ толстымъ наростомъ грязи красные шаровары французовъ приобрѣли «защитный» цвѣтъ. Особенно страдаютъ бельгійскіе солдаты, ихъ интендантское имущество потеряно въ Бельгіи; англичане дѣлаютъ невозможныя усилія, что бы снабдить бельгійцевъ всѣмъ необходимымъ; но даже лихорадочная работа военного времени не можетъ свершить въ одинъ-два мѣсяца тѣ задачи, на которыя интендантства затрачиваютъ годы... Когда, послѣ паденія Антверпена, первые бельгійскіе отряды вошли въ Дюнкирхенъ, жители приняли солдатъ за блѣдныхъ выходцевъ ада. Измученные непрерывными боями, солдаты едва волочили ноги. Ихъ лица дико обросли, въ ихъ глазахъ тусклое свѣтилось равнодушіе. Они не жаловались, ни о чемъ не просили, а молча шли и тупо глядѣли, когда ихъ спрашивали о чемъ нибудь. Уѣшено было дать бельгійской арміи два мѣсяца отдыха, но черезъ пять недѣль она уже сражалась на берегахъ Изера.

Ежедневно въ Дюнкирхенъ прибываютъ бѣженцы изъ Бельгіи; мужчины и женщины, старики и юноши, они какимъ-то чудомъ умудряются проходить сквозь

нѣмецкія линіи. Я видѣлъ такую группу только что прибывшихъ бѣженцевъ; одинъ изъ нихъ, брюссельскій почтальонъ, электрическимъ трамваемъ добрался до Гента, оттуда до Брюгге, а изъ Брюгге пѣшкомъ пробрался въ Фюрнъ; днемъ онъ прятался въ лѣсу, ночью осторожно ползъ среди нѣмецкихъ окоповъ. Бѣлокурый, съ голубыми глазами, онъ холодно и спокойно рассказываетъ о жизни въ Брюсселѣ: «Дороговизна большая, но жить ничего, можно».—Зачѣмъ же вы ушли?—Онъ вскинулъ на меня недоумѣвающіе глаза и какъ-то человѣкъ, которому непріятно отвѣчать на праздный и глупый вопросъ, досадливо пробормоталъ: «Потому что представился случай». Въ этомъ отвѣтѣ раскрывалась скромная и мужественная душа этого маленькаго свободолюбиваго народа.

III.

БИТВА НА ИЗЕРѢ.

Что за убогая сторона! Пзвилистая поднималась вдаль лента дороги; жирная блестяла на солнцѣ земля; темныя вырисовывались средь желтизны безплодной глины пятна топи; а прямая линія канала лишь подчеркивала унылое однообразіе пейзажа.

За далекой фермой на сѣверѣ вспыхнулъ огневой столбъ; гулкое пронеслось эхо... Гдѣ-то недалеко отъ насъ застучали большимъ нестикомъ по тонкимъ листамъ желѣза, и совсѣмъ уже близко съ трескомъ

вылетѣла пробка изъ гигантской бутылки съ шампанскимъ...

За шесть часовъ пребыванія на передовыхъ позиціяхъ я научился понимать языкъ орудій. Нѣмецкія пушки бросаются въ пространство грознымъ и глухимъ басомъ.

«Ууухъ раздааавлю», поютъ ихъ снаряды...

Французскія «75» отвѣчаютъ задорнымъ и веселымъ теноромъ...

«Крякъ... крякъ... а я не боююсь»...

Затяжно и сухо закашливаются нѣмецкіе пулеметы, нервничаютъ лебелевскія винтовки, длинную спѣшить закончить фразу французскій пулеметь. И вдругъ, точно по знаку невидимаго дирижера, всѣ эти голоса заревѣли, загудѣли, заухали, затарахтѣли; могучая симфонія звуковъ наполнила далекий окрестъ...

Вооруженный цейсовскимъ биноклемъ, я тщетно старался разобраться въ томъ, что происходитъ; за исключеніемъ нѣсколькихъ коровъ, невозмутимо что-то щипавшихъ у дальней фермы на сѣверѣ, я ничего не видѣлъ...

«Артиллерійскій бой, который идетъ сейчасъ, — только диверсія, сказалъ мнѣ мой пріятель артиллерійскій офицеръ, благодаря случайной встрѣчѣ съ которымъ я попалъ на позицію; — смотрите вонъ за то болотце, тамъ разыграются главныя событія дня.

Метровъ въ 100 отъ насъ лежало черное пятно топи; за нимъ межъ водой и дорогой поднимались кусты можжевельника; кустарникъ, правда, чахлый, взбирался до самой вершины холма, за которымъ находилась деревушка (всего 8—10 домовъ) св. Георгія. Я пристально вглядывался въ эту мѣстность. И вдругъ захотѣлось смѣяться, такъ странно было то, что я увидѣлъ. Прикрываясь кустарникомъ, длинной цѣпью, нѣсколькими колоннами залегли французы; въ рукахъ у каждаго солдата была лопатка, и они быстро и споро ворочали тяжелую грязную землю. Вотъ послѣдній въ цѣпи правой колонны солдатъ пересталъ работать, прицѣпилъ къ поясу лопатку, вытянулъ впередъ руки и какъ игривый дельфинъ перебросилъ свое тѣло черезъ лежавшаго впереди товарища; перескочивъ оглянулся, снова вытянулъ впередъ свои руки и

перескочилъ такимъ-же образомъ черезъ третьяго въ ряду солдата, когда онъ перелѣзалъ черезъ четвертаго, второй перескочилъ черезъ третьяго... Получалась свособразная игра въ чехарду; черезъ минуту я замѣтилъ такое-же движеніе во второй колоннѣ.

«Это саперы роютъ прикрытія для нашихъ стрѣлковъ. Когда они кончатъ свою работу, начнется приступъ деревни», пояснилъ мнѣ мой пріятель.

Командиръ батареи, нѣсколько офицеровъ и я лежали на вершинѣ небольшого земляного укрѣпленія; пушки нашей батареи были искусно замаскированы за нимъ. Рядомъ съ командиромъ лежалъ телефонистъ, съ подвѣшеннымъ ко рту аппаратомъ: онъ долженъ былъ передавать приказы командира другому телефонисту, который находился возлѣ пушекъ. Батарейная прислуга, готовая, стояла въ ожиданіи приказа. Но съ про-

(Перепечатка воспрещается).

тивоположной стороны пушки стали что-то смолкать; повидимому, нѣмцы поняли, что ихъ морочатъ: разсѣвая воздухъ вылетѣлъ изъ-за дальней фермы нѣмецкій «альбатросъ». Мы всѣ поняли трагизмъ положенія: нужно было сбить нѣмецкаго летчика, прежде чѣмъ онъ успеетъ замѣтить саперовъ. Черезъ нѣсколько минутъ ему навстрѣчу летѣлъ уже французскій бипланъ; но прежде чѣмъ началась воздушная дуэль, альбатросъ зоркимъ взглядомъ

Торговецъ ладанками въ Ивангородѣ.

хищника увидѣлъ саперовъ, и змѣиная упала съ высоты на нихъ ракета. Рывкнули нѣмецкія пушки, и водяные поднялись столбы надъ топью.

Саперы исчезли, и послѣдній кусочекъ земли, гдѣ копошилась еще жизнь, замеръ въ ожиданіи. Напротивъ, на склонѣ холма тысячи вдругъ вспыхнули огней.

«Тра-ра-ра-а!... раздалась характерная сухая трескотня ружей.

«Наши идутъ, готовься!» крикнулъ возлѣ меня командиръ. И въ ту-же секунду кинулъ:

+ E, 9,60 vitesse 529...

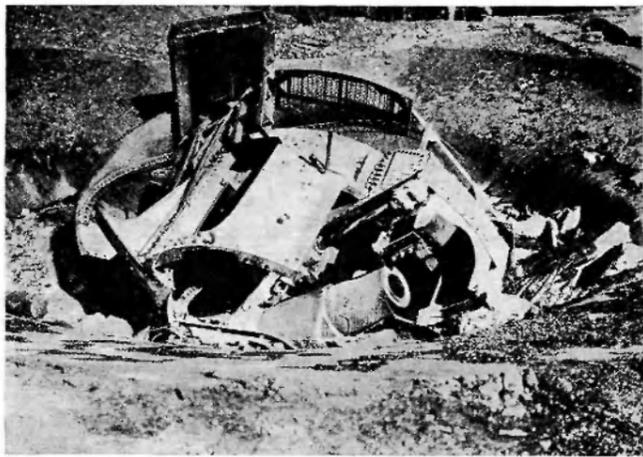
Что за чудная машина эта «75», какая гибкость механизма, какая покорность человеческой рукѣ! Превосходный «выбивальщикъ» автоматически регулируетъ высоту взрыва, а стальной упругій тормазъ предохраняетъ пушку отъ отката; послѣ каждаго выстрѣла

откатывается лишь зарядная трубка, причем особый гидравлический пресс автоматически приводит ее тотчас-же в прежнее положение. Ее работа не останавливается ни на секунду, и в минуту она выпускает 25 снарядов, против 12-ти немецкой пушки в 77. Артиллерийская прислуга точно срослась с машиной; не успев смолкнуть голос телефониста, как уже грянул первый залп. Пьяная оргия звуков понеслась над долиной...

«Го-го... го-го» «у... у... у... у», переключались великаны.

Через минуту все стихло; затѣмъ новый приказъ командира, и снова ураганъ желѣза и стали понесся навстрѣчу врагу. Я заткнулъ ватой уши и крѣпко

(Перепечатка воспринимается).

Тянь-Тао. Куполъ германскаго форта, разрушенный японскими орудиями.

сжалъ въ рукахъ свой бинокль. Прежній безлюдный пейзажъ... Но вотъ что-то зашевелилось. Точно паяцъ на пружинѣ вскочилъ вдругъ французскій солдатъ, за нимъ другой, третій; побѣжали впередъ, низко склонивъ голову; «тра-ра-ра-ра-а», вспыхнули впереди тысячи огней, но солдаты уже провалились куда-то.

Немного справа другіе снова побѣжали и снова провалились. Впечатлѣніе получалось такое, какое испытываетъ зритель на охотѣ. Охотники только что скрылись въ болотѣ; въ теченіе нѣкотораго времени мертвымъ покоемъ вѣетъ съ болота. Вдругъ взлетѣли птицы, мелькнулъ бѣлый хвостъ собаки, раздался выстрѣлъ; снова покой, и опять гдѣ-то впереди, вправо, влѣво взметнулись птицы, мелькнула шляпа охотника... только вмѣсто тишины заводи уши наполняютъ тысячи звуковъ какого-то исполинскаго урагана...

На югѣ простиралась широкая «зона» наводненія. Вдали на спокойной глади затопленных полей показался какой-то странный предметъ. Его огромная желѣзная голова казалась неподвижной; за-то туловище казалось состояло изъ десятка живыхъ организмовъ. Медленно двигался головастикъ, и что-то зловѣщее чувствовалось въ его приближеніи. Вотъ тяжелые запрыгали возлѣ него снаряды, но онъ невозмутимо продолжаетъ свой путь. Такъ вотъ это что!.. 15—20 французскихъ матросовъ плывя толкали предъ собой лодку. Она казалась пустой, но по усиліямъ пловцовъ видно было, что она была нагружена чѣмъ-то тяжелымъ. Снаряды падали десятками вокругъ лодки и я не зналъ, чѣмъ больше восхищаться: храбростью этихъ людей, или тѣмъ необыкновеннымъ мистическимъ «шансомъ», который предохранялъ ихъ отъ смерти. Съ замираніемъ слѣдилъ я за движеніемъ лодки, пока она не исчезла за холмомъ; на другой день я узналъ, что матросы установили на ней пушку, заплыли въ тылъ немцамъ и открыли по нимъ убійственный огонь...

Стемпло... я вынулъ часы... не можетъ быть... вѣдь только... оглянулся... Батарей и слѣдъ простылъ. Вспомнилось, что кто-то толкалъ меня давеча. Кругомъ валялись обоймы, нѣсколько опрокинутыхъ зарядныхъ ящичковъ. Возились съ ранеными санитары. Я спустился къ нимъ. Одного изъ нихъ только что подняли въ траншею, гдѣ онъ три часа продержался на горѣ труповъ, чтобы не затонуть; у него было одиннадцать шрапнельныхъ ранъ.

Могучій ударъ, такой страшный, что дѣтскими казались передъ нимъ голоса пушекъ, сотрясъ землю. Я невольно упалъ на колѣни. Густое облако дыма окутало немецкія позиціи; огневые ключи вырывались изъ земли и разрывая жуть наступившей вдругъ тишины далекое донеслось: «vive la France... gaapse...»

Снова тишина... Безконечная усталость овладѣла мною; почудилось, что я въ безбрежной пустынѣ печали и смерти. Санитары подняли тяжелораненыхъ, на носилки и пошли впередъ; я далъ руку раненому звуку и поплелся за ними.

Совсѣмъ степло; надъ каналомъ вспыхивали огневые зарницы и тонули въ его темныхъ водахъ; и въ гулѣ орудій чудилось теперь рыканіе апокалипсическихъ звѣрей...

На другой день я узналъ о взятіи французами деревушки св. Георгія.

Е. Панъ.

Paris. E Panne
8, rue Marie-Rose.

(Перепечатка воспрещается).

ПЕРЕХОДЪ ПѢХОТЫ ЧЕРЕЗЪ РѢКУ.

РУССКИМЪ ВОИНАМЪ.

Когда отъ вражескихъ напоровъ
Разящій дрогнетъ мечъ въ рукѣ,
Пусть промелькнетъ у вашихъ взоровъ
Генералиссимусъ Суворовъ
Въ своемъ походномъ сюртукѣ.

И въ каждомъ воинѣ проснутся
Сердца прославленныхъ временъ,—
И, сжатые со всѣхъ сторонъ,
Германскіе полки метнутся
Подъ свистъ разорванныхъ знаменъ.

Пусть совѣщаются въ Бреславлѣ,
Какъ мощь Россіи сокрушить,—
Вы будете опять тушить
Пожаръ Европы; мы—молить,
Чтобъ врагъ жестокій былъ раздавленъ.

Надъ вами слава, точно мать,
Склонилась нѣжно. Ваши муки
Слезами будемъ омывать
И ваши раненныя руки
Съ любовью нѣжной цѣловать.

Рюрикъ Иванѣвъ.

(Перепечатка воспрещается).

ХЛББОПЕКАРНЯ.

ДНЕВНИКЪ ВЪ НИСЬМАХЪ.

21-го. Ночью, на флангахъ стрѣляли и уже ночью прошелъ слухъ, что нѣмцы отступаютъ. А сейчасъ удивительныя вещи рассказываютъ—говорятъ, что нѣмцы не просто отступили, а разбѣжались. Наша артиллерія, которой ужасаются и которую хвалятъ сами нѣмцы, подбила ихъ орудья, выбила изъ ихъ рядовъ почти все начальство. Это говорятъ плѣнные, объ этомъ говорятъ въ штабѣ дивизіи, который рядомъ съ нами. Офицеры наши говорятъ, что бѣгству способствовало то обстоятельство, что одинъ изъ нашихъ корпусовъ, будто бы, зашелъ имъ въ тылъ.

Скоро, вѣроятно, мы куда нибудь отсюда двинемъ.

Въ ночь измѣнилась погода—стала теплѣе, мороситъ дождь. Что лучше—морозъ или дождь?—не знаю, хорошо одно: разнообразіе.

Ахъ, жаль, что писать трудно (пишу скорчившись совсѣмъ), а то бы описалъ тебѣ нашъ «быть»—наши окопы, которые есть въ сущности маленькія землянки,

.....
.....
.....

Будь здоровъ, милый К., крѣико, крѣико тебя цѣлую

твой Андрей.

11-го.

А трудно, К. милый, писать о своихъ впечатлѣніяхъ. Главное ужъ больно рѣдко за столъ попадаешь. Обычное положеніе—это стояніе. . . .

Одинъ взводъ нашего прикрытія— . . . .
помѣщается въ одной небольшой комнатѣ—представляешь себѣ, что это за давка. Ступить негдѣ. А живутъ и даже спятъ. Все потому, что снѣгъ и морозы здоровѣе.

Положеніе у насъ сейчасъ такое. Живемъ мы въ красивой, чрезвычайно гористой мѣстности, ...

Впереди у насъ на большихъ высотахъ позиціи нѣмцевъ, которыя пробовала наша бригада взять, да не смогла: большія кручи, проволока, волчьи ямы. И такъ передъ позиціями стоимъ. Пушекъ у нѣмцевъ здѣсь немного, ...

Но и сама она стрѣляетъ рѣдко и мало. Только сегодня, кажется, примемъ по настоящему за дѣло—выбрали новую позицію и палимъ уже здорово. . . .

Едва пишу—огня разводитъ нельзя, дымъ и морозъ въ хатѣ, какъ на улицѣ. Руки и ноги мерзнуть отчаянно.

ХЛѢБОПЕКАРНЯ.

Одинъ изъ офицеровъ получилъ на дняхъ посылку и въ ней—журналы, газеты. Просматривалъ я журналы—«Заря», «Огонекъ», «Сатириконъ», читалъ газеты, ...
Словомъ здѣсь это—простыя, обычныя вещи, немного болѣе трудныя, немного менѣе, немного болѣе опасныя, немного менѣе. Здѣсь подобныя вещи—норма. И поэтому, говорю, какимъ то чрезмѣрно приподнятымъ, ненормальнымъ кажется тонъ газетъ, ...

Не знаю, К., смогъ-ли я хоть приблизительно передать тебѣ свою мысль—на морозѣ писать и соображать очень трудно.

Цѣлую тебя крѣпко, К., милый. Будь здоровъ.
Твой Андрей.

14-го.

Раззоренная, съ выбитыми дверями, низкая хата. Низкія, у самой земли лежащія окна, темныя отъ толстаго льда и снѣга. На дворѣ—морозъ и вѣтеръ, въ хатѣ—нашъ взводъ, прикрытіе. Отъ печи въ хатѣ остались однѣ развалины, но солдаты изъ обломковъ кирпича возстановили ее. И вотъ—даже тепло. Варятъ картошку, кипятятъ чай. Другого угощенья не

придумаешь. Хорошо еще, что есть картошка, а для картошки соль.

О войнѣ какъ-то позабыто. Но если хватить мужества выйти на морозъ и вѣтеръ, и внимательно съ горки послѣдить за фронтомъ, то станетъ ясно, что война продолжается. Гдѣ то рвется нѣмецкая шрапнель, гдѣ то стрѣляютъ наши. Завтра наша батарея будетъ въ дежурствѣ и будетъ стрѣлять сама. А сегодня только въ боевой готовности. Идутъ по дорогамъ и цѣлинами роты, команды. Не идутъ, а бѣгутъ мелкимъ-мелкимъ шагомъ,—такъ теплѣе. Въ другихъ мѣстахъ разрываюгъ снѣгъ и кирками разбиваютъ мерзлую землю—строятъ землянки и окопы. Согрѣваясь, танцуютъ на морозѣ и вѣтрѣ.

. . . . . И въ самомъ дѣлѣ: надо полдня строить землянку, залѣзть въ нее и дышать, дышать до тѣхъ поръ, пока дыханіемъ не согрѣется землянка.

Настроеніе здѣсь хорошее. Изъ штаба бригады дошло свѣдѣніе, что взяты въ плѣнъ 2¹/₂ полка нѣмцевъ. А сегодня телеграмма—такъ говорятъ офицеры батареи—самого Главнокомандующаго о томъ, что цѣлый корпусъ нѣмцевъ—гвардейскій—окруженъ и кладетъ оружіе. Не знаю, подтвердятъ-ли все это газеты.

Всѣхъ крѣпко-крѣпко цѣлую.

Твой Андрей.

РОЖДЕСТВЕНСКІЕ ПОДАРКИ.

ВЪ ВЕЧЕРНІЙ ЧАСЪ.

Накинулъ міръ себѣ на плечи
Порфиру зыблемыхъ огней,
Даль стала строже и синѣй...
О тѣхъ, кто въ морѣ, тамъ, далече
Теперь помолимся теплѣй,—
О тѣхъ, кому грозятъ картечи,
Кто такъ давно не слышалъ рѣчи
Родныхъ, любимыхъ и друзей,
Теперь помолимся теплѣй!
Пусть вспыхнутъ предъ иконой свѣчи,
Пусть загорятся горячѣй,
Помолимся о свѣтлой встрѣчѣ!
Мы вѣримъ: вечера—предтечи
Счастливыхъ и безбурныхъ дней.
Еще помолимся теплѣй
О тѣхъ, кто въ морѣ, тамъ, далече!

Д. Крюковъ.

(Перепечатка воспрещается).

ПО ПУТИ ОТСТУПЛЕНИЯ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ.

ПРОСТЕНЬКАЯ ИСТОРИЯ

ГАЗЕТЫ

УЖЬ недѣля прошла, а все не могъ Никита при-
выкнуть къ тому, гдѣ онъ. Едва утромъ начнетъ
сдавать сонъ, проснется сознание, пытается онъ со-
образить—что это за высокій, бѣлый потолокъ надъ
нимъ? почему такъ мягко тепло? Хлопнетъ растерянно
глазами разъ, другой, легонько повернетъ голову,
увидитъ знакомое ужъ широкое окно, кровать сосѣда
рядомъ, почувствуетъ привычную тихую боль въ
разбитой ногѣ и—усмѣхнется. Вспомнилъ! сообразилъ!
въ лазаретѣ вѣдь опъ! вотъ гдѣ! И сны ночью еще бѣ-
жали назадъ, объ теперешнемъ еще не было ихъ.
Поля снились подъ низкимъ, сѣрымъ небомъ. Самъ
онъ будто видитъ ихъ изъ-за кучи свѣже-накидан-
ной земли окопа, слышитъ ея сырой запахъ. Бѣлые,
круглые дымки поднимаются изъ-за дальняго лѣса. Но
звука не было, звука не доносилъ сонъ. А то при-
снится, что бѣжитъ онъ по полю, а его настигаютъ.
Кто? не видитъ, но знаетъ, что врагъ, и что надо
уйти, а не то—бѣда! Напрягаетъ всѣ силы, но не
слушаются ноги, все, кажется стоитъ на одномъ мѣ-
стѣ. Вдругъ яма впереди... Не удержавшись летитъ
туда внизъ головой. Вскрикнетъ и проснется, а со-
сѣдъ рядомъ ворчитъ:—Чего рычишь Никитка? За
ужиномъ видно обѣлся вотъ тебя и душитъ!— А
это не оттого, а просто лежать все на спинѣ при-

ходится: не велѣлъ докторъ ворочаться никакъ. Ка-
жется, если-бы дали на брюхо перевернуться, много
бы слаще заснулось. Но послушаться нельзя: во-пер-
выхъ, нога не даетъ, во-вторыхъ за ночь не разъ
въ полуснѣ видитъ онъ надъ собой лицо «сестрицы».
Словно бѣлая крылья колыхнется близко косынка,
темнѣютъ глаза... Склонится, лба коснется, уйдетъ
опять и не слышно ея шаговъ.

Зато днемъ глядитъ во всѣ глаза Никита. Чудно!
Поглядѣли бы у нихъ въ деревнѣ!

Году нѣтъ, какъ онъ оттуда, а кажется, что-то
даже и не онъ былъ совсѣмъ, тамъ въ Горухкѣ-то.
Онъ—вотъ онъ, начался подъ ревъ, визгъ и гро-
хоть орудій, шелъ плечо къ плечу, малымъ звономъ
безконечной сѣрой толпы, шелъ упорно, нахмурясь
и крѣпко сжавъ зубы, не зная времени, не соображая
разстояній, стрѣлялъ, заряжалъ опять, потомъ, под-
хваченный могучей силой, бѣжалъ кричалъ что-то, не
слыша своего голоса и дрожа отъ непонятнаго во-
сторга. Потомъ уналъ... Безпамятство, боль, бѣлая
фигуры надъ нимъ, монотонный грохотъ поѣзда... и
вотъ здѣсь теперъ. Точно странный сонъ кончился.
А теперъ что? новый сонъ или явь?

Иногда, когда хорошо выспавшись, чувствуя бо-
дрость въ отдохнувшемъ, молодомъ тѣлѣ, онъ откры-

(Перепечатка воспрещается).

СОЛДАТЪ, РАНЕННЫЙ ВЪ ОКОПАХЪ, ПОЛУЧАЕТЪ ПОМОЩЬ.

валь утромъ глаза, его охватывала восторженная радость жизни. Бывали дни, когда каждый часъ несъ новое наслаждение: въ шашки играетъ съ товарищемъ, со вкусомъ и задоромъ. Другіе подойдутъ, посмотрятъ, совѣтуютъ, иной такое скажетъ, что сразу грохнетъ кругомъ хохотъ. Весело!

А то обѣдать принесутъ. Въ шахъ мяса-то—не провернешь! Киселька дадутъ кисленькаго.

Но лучше всего, когда сестра подойдетъ, на краешекъ кровати присядетъ, обопрется на руку, а рука-то тоненькая, что у ребеночка. Всѣ ничего, хорошія, но эта—лучше всѣхъ: бѣленькая, молоденькая... Долго не засиживалась: много вѣдь ихъ брата тутъ! Какъ птичка на вѣточку присядетъ, прыгъ-прыгъ, и прочь опять. Долго слѣдитъ Никита за ней глазами, а на сердцѣ печально такъ станетъ и сладко. Его бы воля, пусть съ нимъ бы съ однимъ и сидѣла, а онъ бы ей все рассказалъ. Спросить бы—что? и самъ бы не зналъ, пожалуй, но казалось, что весь день безъ передоуху сталъ бы говорить. Взялъ бы ея ручку бѣлую и на голову себѣ положилъ... И вдругъ скучно станетъ! одинъ онъ тутъ, какъ перстъ! Родныхъ никого, знакомыхъ—того меньше! Вонъ къ другимъ приходятъ... Его разъ только старушка какая-то спросила: какого полка? да булочку дала.

Разъ лежитъ Никита, руки за голову закинувъ, не то спитъ, не то думаетъ, вдругъ чувствуетъ, кто-то глядитъ на него. Дѣвушка молоденькая стоитъ, улыбается, въ рукахъ яблоко вертитъ.

— Желаете? одно осталось! не знаю, кому отдать!

Онъ вдругъ застыдился, руку за яблокомъ протянулъ, а самъ молчитъ.

— Вы чтожь, одинъ? никто къ вамъ не прихо-

дитъ? вѣрно дальній?—не унимается, взяла табуретикъ и присѣла.

Тутъ и разговоръ завелся. Ласковая такая дѣвица оказалась! Все выспросила: куда раненъ, давно ли и страшно ли было въ бою?

Про себя рассказала, что горничной служить у хорошихъ господъ, сами ее сюда отпускаютъ, ужъ не первый разъ. А ей охота: во-первыхъ, всегда она жалостлива была, а во-вторыхъ—есть причина... Тутъ вздохнула тяжело и затуманилась. На прощанье сказала, что еще придетъ и что Душей зовутъ, или Дуней, какъ понравится.

До вечера Никита все на яблоко поглядывалъ, да усмѣхался. Потомъ съѣлъ и точно еще крѣпче въ головѣ встала дѣвушка... Личико круглое, какъ есть яблочко наливное. И усмѣшка такая пріятная, словно солнышко играетъ. Сталъ ждать Никита, и день, и другой, и третій, а когда ужъ рѣшилъ, что вздоръ все и забыла о немъ Душа, тутъ то она и явилась. Такъ прямо къ нему и подошла, глазами приголубила, пару пряниковъ на столъ сунула, смѣется:

— Какой вы молоденькій! Что это, право? И не солдатъ совсѣмъ! Платочкомъ повязать, такъ чисто барышня!

— Это вы на барышню схожи, а не я! Нѣжненькая такая, да деликатная!

Покрутила головкой, глянула лукаво исподлобья.

— Тоже скажете! Нѣтъ, всякій сверчокъ, знай свой шестокъ! Мнѣ и Сергѣй мой, какъ уходилъ, строго наказывалъ: не лѣзь въ барышни, знай свое мѣсто! Шляпку запретилъ носить, хотѣла купить на выходъ, честное слово!

— Какой Сергѣй?—строговато спросилъ Никита.

Словно захлебнулась дѣвушка, вспыхнула вся,

ДОСТАВКА АММУНИЦИИ И ФУРАЖА.

смѣшалась. Но живо оправилась и смѣло въ глаза глянула.

— Ну, проболталась ужъ, такъ все равно! Женихъ у меня есть!.. Вы не подумайте худое что... Онъ конторщикомъ служилъ, 40 рублей получалъ. Вотъ осенью вѣнчаться хотѣли, а тутъ его и забрали! Богъ вѣсть, что теперь будетъ?..

Пригорюнилась Душа, заморгала.

Бурно перевелъ духъ Никита, двинулся весь, даже ногу забылъ, потянулся къ дѣвушкѣ.

— Душенька! родимая! Не горюйте! можетъ съ нимъ ничего и не будетъ! оиъ, можетъ, дѣлхонекъ? не то что, а Георгія заслужить... Не крушите вы свою молодость!

Привѣтно такъ глянула мокрыми глазами дѣвушка:

— Спасибо па добромъ словѣ! Я и то отъ него письма получаю! Пока хорошо все, слава Богу! А я за него свѣчку каждый день ставлю, да вотъ въ лазаретъ хожу, когда пускаютъ. Думается все, будто братья ему вы, или сродственники! Я—вамъ, а ему, можетъ, чѣмъ и воздастся!.. Не знаю, какъ сказать, не умѣю... только горить у меня здѣсь, въ груди, словно жжетъ что... Кабы моя воля, всѣхъ бы васъ выходила, вылечила, всѣ вы у меня на сердцѣ лежите!..

Замолчала Душа, потупилась. Неотрывно смотрѣлъ Никита, потомъ спросилъ негромко:

— Сергѣемъ звать то, говоришь?

— Сергѣемъ!

— Поминать буду! Завтра къ обѣдни пойдутъ товарищи, просфору закажу!

Давно ушла дѣвушка, а онъ все на то мѣсто глядитъ, гдѣ она была, про себя думаетъ:—Душа! Душенька! и имячко же досталось! какъ есть душенька!

И тихими вечерами, въ слабо освѣщенной палатѣ, и днемъ, когда кругомъ привычно шелестѣли шаги, раздава лись ненужные ему голоса, все думалъ Никита...

Невѣдомое, небывалое случилось съ нимъ. Словно бѣлизну стѣны, высокаго потолка, одѣяніи неслышныхъ сестеръ принялъ онъ въ себя. Чудилось, что весь сквозить теперь бѣлымъ свѣгомъ, свѣтится. Такъ еще дома, въ деревнѣ, какъ выпадетъ внезапно за ночь первый снѣгъ, бывало, выйдетъ утромъ во дворъ, и ослѣпить, заиграетъ блестками, захватитъ духъ бѣлизна.

И теперь словно искры въ душѣ загорались и вспыхивали, дышалось глубоко, шибко билось сердце, когда думалъ о Дунѣ. Любилъ зажмуриться и вообразить, представить ее себѣ, какъ живую. Еще не видывалъ такихъ.

А когда приходила, приподнимался на локтѣ (ужъ можно было), осторожно касался ея руки и слушалъ. Самъ каждый разъ забывалъ сказать, ничего не говорилъ изъ тѣхъ долгихъ рѣчей, что велъ съ ней наединѣ съ собой.

(Перепечатка воспрещается).

ОБОРОТА ДЕРЕВНИ.

Только, понизивъ голосъ, освѣдомляясь, заглядывая въ глаза:

— О женихѣ то есть ли вѣсть? Пишетъ ли?..

А когда уходила, твердилъ съ блаженной грустью:— Душа! Душенька! Имячко твое милое! Дай то ей, Господи! сохрани жениха то!— и крестился подъ халатомъ украдкой, чтобъ не видали товарищи.

Время шло, прибывали силы, поджившую ногу ужъ можно было спускать съ кровати, ужъ пытался бродить на костыляхъ по палатѣ, подходилъ къ окну, и снова заманчивъ и великъ сталъ свѣтъ.

Ужъ ухмылялся про себя: еще маленько, отприсется въ гости, пускаютъ—говорятъ! Вотъ удивится то Душа!..

Глухо гроыхаетъ поѣздъ. Вездѣ, на лавкахъ, на верхнихъ мѣстахъ, густо лежатъ свѣрныя фигуры.

Не спать Никита, глядитъ упорно въ черную мглу, гдѣ золотыми пчелками роятся пскры, и глубоко вздыхаетъ. Поди-жъ ты! Оглянуться не успѣлъ, какъ отправили ихъ въ другой городъ, на поправку.

— Чего не спишь то?—окликаетъ сосѣдь—небось, объ своей мамзели скучаешь?

Растерянно почесываетъ въ затылкѣ Никита.

— И проститься не успѣлъ! Эко дѣло то! Придетъ, а меня и нѣту! Какъ быть? Письмо, хушь, написать!..

— Гдѣ тебѣ, вахлаку! Нешто сумѣешь, какъ слѣдуетъ барышнѣ? и то на нее удивлялся!..

— А чтожъ? очень просто! Кланяюсь, молъ, вамъ!..

— Кланяюсь!..—насмѣшливо передразниваетъ со-

сѣдь.—Ужъ видно научить тебя? Знаю я стишокъ, больно хорошъ, списалъ давеча у одного, супругѣ пошлю... Прочтешь твоя Дуничка, въ слезы ударитъ. Дать что ли? Ну то-то! погоди, я тебѣ самъ прочту, тебѣ не разобрать! Слушай:

Сижу я въ горѣ и тоскѣ, какъ рыбка на пескѣ.

Вамъ объяснить того не смѣю, но самъ покоя не имѣю.

И съ этой горестной скуки беру перо въ руки,

Беру перо золотое, пишу письмо дорогое.

Беру конвертъ, пишу вамъ отвѣтъ.

Напишу я строчекъ восемь и пушу на вѣтерокъ.

Ты лети, мое письмо, выше лѣсу, выше горъ, прямо маленькой во дворъ.

Въ руки прямо ей давайся, развернися, прочитайся.

Если примутъ хорошо, напишу письмо еще.

Если примутъ неприятно, то лети письмо обратно.

— Ну, что? Вскинулъ самодовольно глаза сосѣдь.— Ладно, что ли?

— Да ужъ хорошо! Спасибо, давай ужъ!

Зажалъ Никита въ кулакъ бумажку и легъ, глаза закрылъ, чтобъ не говорилъ съ нимъ никто. Хорошъ стишокъ, ему такъ не написать, а все не то говорить, о чемъ душа болитъ.

— Не забывай меня! помни, Душенька!—крикнуть хочется такъ, чтобъ до нея донеслось.

— Душа, душенька, голубка сизая! Не приведетъ Богъ больше свидѣться! Не увижу твои глазки ясные! По гробъ жизни тебя не забуду!—шепчутъ беззвучно губы, и выкатывается свѣтлая слезинка изъ подъ дрогнувшихъ вѣкъ...

М. Толмачева.

(Перепечатка воспрещается).

ЧЕРПАЮТЪ ВОДУ ИЗЪ ОКОПА.

«Кризисъ Интернационализма».

ПОДЪ такимъ заглавіемъ появилась въ «Berl. Tag.» очень интересная статья проф. фонъ Листа. Знаменитый криминалистъ констатируетъ полное крушеніе международнаго общенія людей, обществъ, учреждений и государствъ, и ставитъ вопросъ о томъ, удастся ли и въ какихъ предѣлахъ возстановить столь грубо нарушенное международное общеніе.

Слово «интернационализмъ», говоритъ Листъ, можно понимать въ двоякомъ смыслѣ. Это во-первыхъ, фактически существующая общность интересовъ разныхъ государствъ, достигшая небывалаго расцвѣта, благодаря возраставшему съ году на годъ обмѣну матеріальными и духовными благами. Это во-вторыхъ, дѣятельность отдѣльныхъ лицъ, союзовъ и государствъ, порождаемая наличностью у людей т. н. интернациональнаго настроенія, направленная на укрѣпленіе и развитіе международнаго общенія и проявляющаяся на многочисленныхъ международныхъ съѣздахъ и конгрессахъ.

Интернационализмъ въ первомъ смыслѣ этого слова возродится быстро по окончаніи войны, хотя и въ ограниченномъ противъ прежняго обьемѣ и въ нѣсколько видоизмѣненныхъ формахъ. Послѣ войны, какъ и до нея, государства будутъ обмѣниваться товарами и будутъ связаны между собой почтой и телеграфомъ. Быть можетъ государства будутъ искать

для своей внѣшней торговли новыхъ путей, но отгородить себя отъ другихъ государствъ китайской стѣной современныя страны не въ состояніи. Поэтому вслѣдъ за заключеніемъ мира начнетъ развиваться новая система международныхъ договоровъ. Въ связи съ этимъ возобновятъ свою дѣятельность и всѣ существовавшіе до войны международные административные союзы (напр. почтовый союзъ).

Совершенно иначе будетъ обстоять дѣло съ интернационализмомъ во второмъ смыслѣ этого слова. «Интернациональное настроеніе», на которомъ онъ базировался, не возродится въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій. Конечно, говоритъ Листъ, нѣмецкій народъ, и въ частности нѣмецкая наука, не перестанутъ слѣдить за развитіемъ міровой культуры. Но нѣмцы будутъ относиться гораздо болѣе критически и будутъ несравненно менѣе воспримчивы ко всему иноземному. Листъ поясняетъ свою мысль на примѣрѣ международнаго союза криминалистовъ. Основатели этого союза руководствовались убѣжденіемъ въ чрезвычайной важности сравнительнаго закоповѣднія для развитія національной системы права. Этимъ же убѣжденіемъ руководствовалося и имперское правительство, когда рѣшилось предпослать проекту новаго германскаго уложенія громаднѣйшій трудъ, въ которомъ сопоставляется германское уголовное право съ уго-

ловнымъ правомъ другихъ странъ. Въ самое германское уложеніе введено много институтовъ, заимствованныхъ изъ уголовного законодательства другихъ странъ.

«А теперь вообразите себѣ, продолжаетъ Листъ, что въ теченіе ближайшихъ лѣтъ кто-либо изъ насъ предложитъ въ качествѣ достойнаго подражанія образца какой-либо англійскій юридическій институтъ. Можно совершенно безошибочно предсказать, что такое предложеніе вызвало бы бурю патріотическаго негодованія, и что оно было бы рѣшительно отклонено, какъ нашимъ правительствомъ, такъ и рейстагомъ. Уже и сегодня раздаются голоса противъ суда присяжныхъ и противъ парламентаризма, причемъ противники этихъ институтовъ считаютъ совершенно достаточнымъ простое указаніе на ихъ англійское происхожденіе. Пройдутъ годы, пока это измѣнится, пока возродится интернаціональное настроеніе».

Необходимо къ тому же имѣть въ виду еще слѣдующее. «Интернаціональная» работа отдѣльныхъ ученыхъ совершенно невысказана безъ личнаго соприкосновенія съ учеными другихъ странъ—въ союзахъ и на конгрессахъ. Материалами, докладами и личной перепиской ученые взаимно помогали другъ другу. Результатомъ этой совмѣстной научной работы бывала иерѣдко сердечная дружба.

Но въ этой войнѣ именно ученые сопровождаютъ военныя дѣйствія сторонъ страстными манифестациями. Германскіе ученые отказались отъ почетныхъ знаковъ и титуловъ, предоставленныхъ имъ правительствами и научными обществами враждебныхъ Германіи странъ. Французскія академіи, русскіе университеты и англійскія научныя общества исключили своихъ нѣмецкихъ членовъ (?). Манифестъ германскихъ ученыхъ вызвалъ оскорбительные для нѣмцевъ отвѣты во Франціи, Россіи и Англии. «Совершенно невысказано, говоритъ Листъ, чтобы съ заключеніемъ мира возстановились прежнія отношенія. Личныя узы, разорванныя войной, никогда больше не будутъ возобновлены. Должно явиться новое поколѣніе для того, чтобы могло быть возстановлено интернаціональное настроеніе».

Но всеисцѣляющее время излѣчитъ и эту рану, хотя нынѣшнее поколѣніе этого не дожидается. Задачей

нейтральныхъ странъ будетъ охранять и увеличивать остатки былаго великолѣвія «интернаціональной общестственности» и служить связующимъ звеномъ между учеными воюющихъ странъ. По мнѣнію Листа, въ теченіе очень многихъ лѣтъ для нѣмецкихъ ученыхъ будетъ абсолютно невозможно посѣщать научные конгрессы въ Парижѣ, Лондонѣ и Петроградѣ или принимать въ качествѣ милыхъ гостей русскихъ, французскихъ и англійскихъ ученыхъ въ Берлинѣ. Но можно будетъ попытаться встрѣтиться на нейтральной почвѣ, и тогда окажется, возможна ли еще какая либо совмѣстная работа. Лично Листъ считаетъ болѣе правдоподобнымъ, что нѣмецкіе ученые уйдутъ изъ международныхъ объединеній и будутъ работать исключительно на національной почвѣ.

Еще гораздо важнѣе, говоритъ Листъ, однако, то, что и въ отношеніяхъ между отдѣльными государствами почти безслѣдно исчезло «интернаціональное настроеніе». Какой смыслъ имѣло бы, восклицаетъ Листъ, продолжать разработку гаагскихъ конвенцій, когда оказывается, что воюющія державы не придерживаются даже женеvской конвенціи? Едва ли нужно прибавлять, что виновниками нарушенія конвенцій является по мнѣнію Листа не Германія, а ея противники, и въ первую очередь, конечно, столь ненавистные англичане.

Что же станетъ съ международнымъ правомъ? Несмотря на переживаемый имъ кризисъ, оно не перестанетъ существовать. Оно воскреснетъ съ новой силой, но будетъ развиваться не въ томъ направленіи, въ какомъ шло его развитіе до послѣдняго времени. Къ международному праву прежнихъ временъ, говоритъ Листъ, примѣнима французская поговорка: «qui trop esbrasse mal etreint». Международнаго права, обязательнаго для всѣхъ странъ, болѣе не будетъ. Зато будетъ создано партикулярное международное право, объединяющее отдѣльныя группы государства. Листъ считаетъ вѣроятнымъ возникновеніе такого права для государствъ Сѣверной и Южной Америки. Въ Европѣ такое право будутъ создавать для себя центральныя государства. Международное право потеряетъ прежніе широкіе горизонты, зато оно будетъ поставлено на прочную основу, гарантирующую плодотворное будущее.

Г. Э.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПАМЯТИ А. М. КОЛЮБАКИНА. * Е. ПАННЪ. На Сѣверномъ фронтѣ. * Р. ПВНЕВЪ. Русскимъ воинамъ. Стихи. * А. Дневникъ въ письмахъ. * Д. КРЮЧКОВЪ. Въ вечерній часъ. Стихи. * М. ТОЛМАЧЕВА. Простенькая исторія. Разсказъ. * Г. Э. «Кризисъ интернаціонализма». * П. НАУМОВЪ. Обложка. * Фотографіи съ войны.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОТЕЧЕСТВО».

ПТГ. Б. Болотная, д. № 10.

Адресъ для телеграммъ: Петроградъ, «ОТЕЧЕСТВО».

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

Король, Законъ и Свобода.

ПЬЕСА ВЪ 6 КАРТИНАХЪ.

цѣна 75 коп.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ

(о еврейскомъ вопросѣ).

цѣна 20 коп.

Первое изданіе разошлось. Печатается 2-ое изданіе.

Вся выручка поступаетъ въ «Еврейскій Комитетъ для помощи жертвамъ войны».

ОЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

В О Й Н А.

С Т И Х И.

цѣна 40 коп.

Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ «Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны».

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

ЗА СВЯТУЮ РУСЬ.

ДУМЫ О РОДНОЙ ЗЕМЛѢ.

цѣна 40 коп.

Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ «Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны».

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

СТИХИ О РОССИИ.

цѣна 40 коп.

Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ Общество Русскихъ писателей для помощи жертвамъ войны.

ВОЙНА ВЪ ЦИФРАХЪ

Статистическія данныя изъ новѣйшей военной исторіи.

Сост. М. Р. Марковичъ.

Годы войны и мира въ XIX ст.—Численность армій.—Напряженность и колебанія отд. войнъ.—Причины, обуславлив. исходъ войнъ.—Кровопрлитныя сраженія.—Осады. Потери людьми и матеріальныя.—Сравнительныя потери побѣдителя и побѣжденнаго, солдатами и офицерами, вслѣдствіи военныхъ дѣйствій и болѣзней.—Полководцы.—Продолжительность войнъ.

цѣна 50 коп.

А. ГРИНЪ.

ЗАГАДОЧНЫЯ ИСТОРИИ.

цѣна 1 руб.

ЛЕОНИДЪ ДОБРОПРАВОВЪ.

РАЗСКАЗЫ.

цѣна 1 руб.

Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ «Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны».

ПРИИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ.

ОТЕЧЕСТВО

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ.

Еженедѣльный иллюстрированный журнал «ОТЕЧЕСТВО» слѣдитъ за всѣми выдающимися событіями міровой жизни и даетъ ихъ освѣщеніе въ многочисленныхъ статьяхъ и иллюстраціяхъ. ■ Возникая въ грозный историческій моментъ, журналъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на великой освободительной войнѣ и является иллюстрированной лѣтописью НАРОДНОЙ ВОИНЫ. ■ Изъ номера въ номеръ дается въ иллюстраціяхъ и статьяхъ обзоръ военныхъ дѣйствій НА СУШѢ, НА МОРѢ И НА ВОЗДУХѢ; текстъ иллюстрируется картами, портретами, фотографіями и рисунками съ натуры. ■ Журналъ имѣетъ специальныхъ фотографовъ и художниковъ на театрахъ военныхъ дѣйствій.

Въ художественномъ отдѣлѣ журнала участвуютъ:

Н. Альтманъ, Б. Анисфельдъ, Ю. Анненковъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, И. Бродскій, В. Бѣлкинъ, М. Добужинскій, Д. Кардовскій, Н. Кульбинъ, Б. Кустодіевъ, Г. Нарбутъ, П. Наумовъ, А. Радаковъ, Ре-ми, Н. Рерихъ, И. Е. Рѣпинъ, Л. Пастернакъ, М. Соломоновъ, С. Судейкинъ, О. Шарлеманъ и др.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала принимаютъ участие:

Леонидъ Андреевъ, проф. Евг. Аничковъ, А. А. Ахматова, Ю. К. Балтрушайтисъ, А. Н. Бенуа, Ал. Блокъ, Валерій Брюсовъ, Ив. Бунинъ, И. А. Бѣлоусовъ, Г. Вильямсъ (Dr. H. Williams), проф. П. Г. Виноградовъ, М. О. Гершензонъ, Влад. Гиппіусъ, Г. Гребеншиковъ, Н. С. Гумилевъ, Б. Гуревичъ, Л. Добронравовъ, О. Дымовъ, Н. Н. Евреинъ, И. В. Жилкинъ, Б. К. Зайцевъ, Е. И. Замятинъ, Е. А. Зноско-Боровскій, Игорь-Сѣверянинъ, А. Измайловъ, Д. Н. Крачковскій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, А. И. Купринъ, С. Г. Лозинскій, В. А. Маклаковъ, М. Моравская, Г. Г. Перетцъ, проф. Б. Пѣрсъ (Bernard Pares), С. Рафаловичъ, А. М. Ремизовъ, П. Рыссъ, Федоръ Сологубъ, В. Б. Станкевичъ, Ив. Странникъ, П. Б. Струве, В. Танъ, проф. Е. В. Тарле, Александръ Тиняковъ, Н. Д. Телешевъ, М. Толмачева, Гр. Ал. Н. Толстой, А. В. Тыркова, Таффи, А. Чапыгинъ, Алек. Чеботаревская, Ан. Чеботаревская, К. И. Чуковский, Г. И. Чулковъ, В. Шишковъ, П. Е. Щеголевъ, А. М. Федоровъ и др.

Въ журналѣ «ОТЕЧЕСТВО» примутъ участіе М. Баррессъ, Ж. Гэдъ, Ж. Клемансо, Ромэнъ Ролланъ и др.
Редакторъ-Издатель **З. И. ГРЖЕБИНЪ.**

ЦѢНА ПОДПИСКИ: съ доставкой и пересылкой на годъ **7 р.**, на полгода **3 р. 50 к.**
Въ отдѣльной продажѣ 15 коп. номеръ На станціяхъ жел. дорогъ—20 к.

ПРОБНЫЙ № ВЫСЫЛАЕТСЯ ЗА 15 КОП. МАРКАМИ

Приемъ подписки производится во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ Имперіи.

Для годовыхъ подписчиковъ, при непосредственномъ обращеніи въ контору журнала, допускается разсрочка: при подпискѣ—**3 руб.**, 1-го февраля—**2 руб.** и 1-го мая—**2 руб.**

Требуйте у газетчиковъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Петроградъ, Б. Болотная, 10. Тел. 159-53.

Адресъ для телеграммъ: Петроградъ, «ОТЕЧЕСТВО».